

В. А. Панченко

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор рассматривает идеи В. Гумбольдта о внутренней форме языка, под которой он понимает особенности миропонимания той или иной нации. Внутренняя форма языка, по Гумбольдту, является средством выражения народного или национального духа, который способен формироваться во внутренней форме, а затем выразиться с помощью языка. В настоящее время эти идеи развиваются в этнолингвистике, рассматривающей внутреннюю форму языка как основу выражения этноидентичности и способ формирования национального менталитета.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, язык, культура, этнос, этнолингвистика, национальный характер, этноментальность, национальный дух народа.

V. Panchenko

V. VON HUMBOLDT. THE INTERNAL FORM OF LANGUAGE AS A REFLECTION OF ETHNIC ORIGINALITY

W. von Humboldt's idea on the internal form of language, a specific kind of ethnic worldview is regarded. According to Humboldt, the internal form of language is a means of expressing ethnic or national spirit. «The ethnic spirit» develops in the internal form and then is expressed through the language. At present, these ideas are being developed by ethno-linguistics which regards the internal form of language as a basis for ethnic identity and national mentality.

Keywords: internal form of language, language, culture, people, ethno-linguistics, national character, ethnic identity, national spirit.

Понятие внутренней формы является одним из старейших в философии и принадлежит платонической традиции. Плотин впервые употребил термин «внутренний эйдос» (τό ἐνδοῦ εἶδος), переведенный М. Фичино как «*intrinseca forma*» (нем. — *innere Form*). Новое развитие учения о

внутренней форме получило в европейском неоплатонизме как реакция на аристотелизм средневековой схоластики. В Германии понятие «внутренняя форма» применялось И. В. Гёте и В. фон Гумбольдтом. Гумбольдт был первым, кто применил понятие внутренней формы по отношению к

языку (*innere Sprachform*), связывая с его помощью внешние формы языка с ментальными процессами.

Исследуя разные языки, Гумбольдт в своем главном лингвистическом труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1836), сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа, разрешил многие кардинальные проблемы языкознания, и его взгляды на эти вопросы до сих пор остаются актуальными.

Широкую известность получили его утверждения о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» и что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [4, с. 370, 377]. Исследуя характер греческого языка, Гумбольдт в работе «Лаций и Эллада» пишет: «Всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [3, с. 303].

Новизна подобного подхода состояла в том, что за различными языковыми формами ученый видел различия в способах мышления и восприятия действительности и сделал вывод о том, что в языке воплощается своеобразие культуры. Как пишет В. А. Маслова, «наибольший резонанс в мире получили идеи Гумбольдта, основные положения концепции которого можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощается в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер отражен в языке посредством особого видения мира: «разные языки — это не различные видения одного и того же предмета, а разные видения его» [4, с. 305]; 3) языку присуща специфическая для каждого языка внутренняя форма,

которая есть выражение «народного духа», его культурной компетенции; 4) язык «есть опосредующее звено между человеком и окружающим миром» [6, с. 237–238].

Язык, по Гумбольдту, есть «народный дух», он «само бытие народа» и реальность культуры, ибо только через язык человек может познать культуру. В подтверждение этой мысли В. А. Звегинцев в своих комментариях приводит слова Гумбольдта: «Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникает друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих» [5, с. 360]. А. А. Потебня пишет в этой связи: «Принявши... дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка, и язык в нем есть первое во времени событие» [7, с. 37].

Приведенные высказывания образуют основу и для понимания категории внутренней формы языка, в основе которой лежит тезис о творческой деятельности человеческого мышления, воплощающийся в языке и, в свою очередь, испытывающий влияние языка. Высказывание Гумбольдта о сущности языка — «язык не есть продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*)» — приводит нас к убеждению, что его концепция формы языка с необходимостью связана с идеей «энергеи». Он развивает мысль о том, что «необходима вся повторяющаяся деятельность, чтобы познать сущность живой речи и создать верную картину живого языка» [5, с. 360]. Как пишет исследователь творчества Гумбольдта Г. В. Рамишвили, для установления определенной корреляции между понятиями энергеи и формы можно привести следующие высказывания: «Язык представляет собой постоянно возобновляю-

щуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [3, с. 70]. Форме языка (которая «отнюдь не только грамматическая») Гумбольдт дает такое определение: «Постоянное и разнообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [3, с. 71]. В этом определении Гумбольдта внутренней формы языка очевидна связь понятия формы с понятиями энергии о порождении языка. Именно внутренняя форма обеспечивает систематичность и своеобразие деятельности языка, которые обуславливаются его связью с народом, его национальным характером, его образом мышления, и из этого следует утверждать, что языки всегда имеют национальную форму, являясь непосредственно и собственно национальным творением. Форма каждого языка является неповторимо индивидуальным образованием, в своих существенных чертах она — «духовная настроенность говорящих на одном и том же языке, «индивидуальный порыв» (*Drang*), посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства» [3, с. 71].

Внутренняя форма мыслится Гумбольдтом не как нечто статичное и фиксированное, она образует внутренние пути (*Bahnen*) развития языка, отражая только свойственное ему мировидение. Деятельность языка, по мысли Гумбольдта, всегда протекает в индивидуальной, внутренней форме, обусловленной национальным характером данного языка. Как пишет В. А. Звегинцев, «в связи с положением о форме языка следует толковать и те высказывания, на основании которых делается утверждение, что именно Гумбольдту принадлежит честь теории лингвистической относительности» [5, с. 361]. В подтверждение этой точки зрения он приводит слова Гумбольдта: «Посредством того же

самого акта, в силу которого он сплетает (*herauspinnt*) язык изнутри себя, он вплетает (*einspinnt*) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» [3, с. 80]. В приведенной цитате язык мыслится Гумбольдтом как орган, творчески осмысливающий окружающую действительность в соответствии со свойственной ему внутренней формой, порожденной национальными (народными) характеристиками. Эту мысль развивает Р. И. Розина в работе «Роль человеческого фактора в языке», обосновывая, что человеку невозможно «выйти из себя, своей формы и увидеть мир "как он есть", т. е. мы видим мир сквозь призму языка. "Человек воспринимает вымысел как реальность, переживает и осмысливает несуществующее, страдает и наслаждается, испытывает "катарсис". Все это возможно лишь благодаря естественному языку, а также другим семиотическим системам (языкам кино, красок, жестов), но ведущее место среди них занимает естественный язык, ибо языковой знак способен стать экспонентом культуры» [6, с. 239–240]. Из этого вытекает, что в своей деятельности человек имеет дело не с самим миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Вероятно, это и дает основание Ю. С. Степанову сказать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых. Действительно, крупнейшие философы XX века П. Флоренский, Л. Витгенштейн, Н. Бор, М. Хайдеггер отводили центральное место в своих концепциях языку, а выдающийся мыслитель нашего времени Х. Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык — единственная надежда на освобождение».

Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык — специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

В России широко известны концепции В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, школа этнолингвистики В. Н. Толстого. Язык в их исследованиях трактуется как «естественный» субстрат культуры, пронизывающий все его стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения.

Мировое сообщество давно признало, что самобытные культуры и языки коренных народов являются частью культурного наследия человечества и достойны защиты. Человек не мыслит себя вне культуры. Он либо идентифицирует себя с родной культурой, либо сознательно выбирает для себя культуру. Это и есть этническая и культурная идентификация. В этической идентификации важны культурные, исторические, экономические и другие факторы. Мирозерцание этнической группы вырабатывается из общего прошлого — мифов, легенд, святынь, символов, эталонов, стереотипов, отражающихся в языке. Язык является не только средством общения, но, что еще более важно, он является средством передачи культуры и самобытности. Язык — естественная форма самореализации народа. Язык и национальный мир — вот неразделенные составляющие практической деятельности умственной мощи этноса. Гумбольдт писал: «Язык всеми своими корнями и тончайшими фибрами сплетен с национальным духом», он — «произведение национального духа» и глубоко входит в умственное развитие человечества, так что в языке можно узнать всякое состояние умственного развития народа. В его представлении первоначально язык исходит из такой глубины человеческой природы, что его нельзя назвать произведением или творением самого народа: он видимо обнару-

живает в себе самостоятельную силу. С этой точки зрения, «язык не есть произведение деятельности, а невольное изливание духа — не дело народа, а дар, предназначенный ему свыше». Разные языки отражают разное восприятие людьми мира, охватывают их предысторию и тонко формируют национальный склад мышления. Язык — это связывающее звено между прошлым, настоящим и будущим того или иного народа. Исходя из этой гипотезы о языке, С. Бошер в своей работе «Языковая и культурная самоидентификация» отмечала, что языковые частности отражают длинную историю человечества в экологии, образе жизни и способе мышления. Поэтому каждый язык самодостаточен, уникален и драгоценен.

Вильгельм фон Гумбольдт первый из исследователей связал содержательную сторону языка с духовной жизнью, культурой народа. Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер этноса, его психический склад, образ мыслей, искусство, науку, философию, т. е. весь комплекс интеллектуальных ценностей, что определяет «дух народа», его мировоззрение, которое отражается в языке. Апеллируя к духовному началу языка, Гумбольдт одновременно рассматривает его как продукт динамичный, созидающий, активность которого проявляется в воздействии языка как социального явления на индивидуум, и чем сознательнее индивидуум пользуется языком в соответствии со своими внутренними и внешними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление.

Мышление подключает сознание, с которым непосредственно связано самосознание человека, самосознание, в свою очередь, включает язык в сознание общности его этнического происхождения, реальную основу которого составляет единство исторических судеб, его членов и их предков на всем протяжении их существования. Самосознание — одно из свойств этнической

культуры, включающее в себя такие компоненты, как труд и деятельность человека, выраженные в действиях, поступках и отражающиеся в материальной культуре и изобразительном искусстве, в устном народном творчестве, в обычаях и обрядах, нравах и т. д. То есть это не просто признаки этноса, а целостная система, которая осознает эту целостность. Таким образом, симбиоз этнического самосознания и сознания языкового есть характерные признаки идентичности в его классическом понимании, хотя нередки случаи, когда один из компонентов может отсутствовать — или язык (к примеру, европейские переселенцы Америки), или этническая самоидентичность (например, некоторые племена Африки). Если теряется языковая идентичность человека, это не означает, что может исчезнуть его самосознание, однако если теряется этническое самосознание — теряются корни.

Как пишет Гумбольдт, внешние формы языков лежат на поверхности, поскольку звуковые отличия между языками бросаются в глаза. Сложнее дело обстоит с их внутренними формами, поскольку семантические отличия между языками не лежат на поверхности, но спрятаны в их глубине. Л. Вейсбергер видел в этом учении предтечу своей теории языковой картины мира. Он писал, что для Гумбольдта, который с удивительной неутомимостью вработывался во все новые языки, было ошеломляющим познание того, что каждый язык в его содержаниях обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. То, что завораживало Гумбольдта в языке, — это именно его внутренняя форма. И не существует более надежного средства осознать внутреннюю форму своего собственного языка, кроме как перенестись в мир другого языка. Термины «внутренняя форма языка» и «языковая картина мира» следует расценивать как синонимические, поскольку Гумбольдт интерпретировал внутреннюю фор-

му языка как мировидение, заключенное в языке. Он писал, что всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражения всех представлений, которые нация составляет себе о мире. Об этом он высказывает следующую мысль о том, что люди понимают друг друга потому что в каждом высказывании затронуты одни и те же «цепи чувственных представлений» и начатков внутренних понятий..., благодаря чему у каждого вспыхивают соответствующие, но не тождественные смыслы» [3, с. 166].

Любой язык отображает мир с той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. В связи с этим Л. Вайсгербер пишет: «Суть различий между языками в том, что различен содержательный строй этих языков. Разная внешняя форма языка, воспринимаемая на слух, сопровождается разной внутренней формой языка, проявляющейся в соответствующих различиях, в мышлении и в поступках» [2, с. 118]. Следовательно, под внутренней формой языка он понимает все, «что из структурированного познания заложено в понятийном строе словаря и содержании синтаксических форм языка» [2, с. 118]. Это, пожалуй, дает представление о том, что имел в виду Гумбольдт, отчеканив около ста лет назад «внутренняя форма языка». По мнению Л. Вайсгербера, во внутренней форме Гумбольдта представлен определенный способ видения мира и его явлений, и так можно сказать, что язык скрывает в своей внутренней форме определенное мировидение (*Weltauffassung*). Всякий человек, вступающий в какой-либо язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа, и так все члены языкового сообщества перерабатывают переживаемое ими сообразно с внутренней формой их родного языка и мыслят и действуют соответственно. Таким образом, в любом языке представлен универсально-объективный аспект, связанный с ограничением объективной реальности, и

субъективно-национальный (идеоэтнический), который отражает мир с точки зрения носителей этого языка. Последнее из этих аспектов и позволяет нам говорить о языке как о мировидении или языковой картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
5. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 356–362.
6. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: Монография. М.: Гнозис, 2007.
7. Потеня А. А. Мысль и язык. 4-е изд. Одесса: Гос. издательство Украины, 1992.

REFERENCES

1. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991.
2. Vajsgerber L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha. M: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.
3. Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva // Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984.
4. Gumbol'dt V. fon. Jazyk i filosofija kul'tury. M.: Progress, 1985.
5. Zvegincev V. A. O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984. S. 356–362.
6. Maslova V. A. Homo lingualis v kul'ture: Monografija. M.: Gnozis, 2007.
7. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk. 4-e izd. Odessa: Gos. izdatel'stvo Ukrainy, 1992.